

DOI: 10.18721/JHSS.10106

УДК 1:165;1:167;30:303.01

ФЕНОМЕН ВЕЩЕЙ В МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

Л.В. Мурейко

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Технологии медиа сегодня способны изменить на бессознательном уровне чувственно воспринимаемые свойства вещей и, изменив образцы восприятия, образовать «новую предметность» мира. Проблема состоит в том, что особенность медиареальности часто неправомерно сводится лишь к технологиям манипуляции сознанием, к «симуляции вещей». Однако за счет совершенствования технологий также конструируется новая интенциональность, по-новому воспринимаемый предметный мир, расширяющий когнитивные и практические возможности человека, что особенно акцентирует современное искусство. Автор статьи пытается уточнить специфику медиареальности, используя материал разных подходов к пониманию феномена вещей в реальности современных медиа (в философии медиа, исследованиях конвергентных технологий, эстетике, философии науки). При этом применяются междисциплинарный, структурно-функциональный анализ и аналогия. Дано определение медиареальности. Утверждается, что исследование «вовлеченности» человека в медиареальность должно сопровождаться философско-эстетической разработкой онтологических основ корректирующих ее технологий. Это объясняется тем, что понимание измерения реальности, трансформируемой масс-медиа, требует учета изменения, прежде всего чувственно воспринимаемого, визуального, символического, в зависимости от применяемых технологий. Необходимо также учитывать, что при этом меняется характер знания и транслирующего его языка, что особенно ярко проявляется в «новом искусстве». Развитие такой постановки вопроса при различии символа и знака как такового будет способствовать продуктивному уточнению феномена «наглядности невидимого» и в науке, рассматриваемой в социокультурном контексте, особенно при популяризации научного знания в масс-медиа. Данное исследование может быть использовано при контроле реализации разных вариантов медиа ориентированных онтологий.

Ключевые слова: медиареальность, вещи, масс-медиа, «новая предметность» мира, Интернет Вещей, симуляция вещей

Ссылка при цитировании: Мурейко Л.В. Феномен вещей в медиареальности // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 57–68. DOI: 10.18721/JHSS.10106

PHENOMENON OF THINGS IN MEDIA REALITY

L.V. Mureyko

Petersburg State Transport University, St. Petersburg, Russian Federation

The relevance of this work is related to the fact that modern mass media technologies are able to change, on an unconscious level, the sensually perceived properties of things,

together with the changing patterns of perception, forming the “new objectivity” of the world. The problem is that the peculiarity of media reality is wrongfully often reduced only to the technologies of manipulation of consciousness, to the “simulation of things”. However, due to the improvement of media technologies, a new perceived objective world, expanding the cognitive and practical capabilities of a person, is also being constructed. The purpose of this study is to clarify the specifics of media reality. Objective: to implement this goal on the material of different approaches to understanding the phenomenon of things in modern media reality: in the social theory and philosophy of media, in research on convergent technologies, in aesthetics, in the philosophy of science. It uses interdisciplinary and structural-functional analysis, analogy. In conclusion, the author defines media reality, based on the fact that things in it implicitly express the organization of the anthropometric material world. It is argued that the study of the “involvement” of a person in media culture should be accompanied by a philosophical and aesthetic development of the ontological foundations of the technologies that correct it. This is explained by the fact that the understanding of the measurement of reality, transformed by the mass media, requires taking into account changes, first of all, sensually perceived, visual, symbolic, depending on the applied technologies.

Keywords: media reality, things, mass media, “new objectivity” of the world, Internet of Things, simulation of things

Citation: L.V. Mureyko, Phenomenon of things in media reality, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (1) (2019) 57–68. DOI: 10.18721/JHSS.10106

Введение

Сегодня в философских работах о медиареальности широко распространено ее понимание, производное от толкования медиа М. Маклюэном. Выдвигая тезис «Средство сообщения есть сообщение», он имеет в виду прежде всего «то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им [сообщением. – Л. М.] в человеческие дела» [1, с. 10]. Речь идет о рождении значительных изменений в жизни человека, осуществляющихся самим средством коммуникации. С учетом исторически определенных материальных и технологических возможностей средство сообщения претендует на онтологическое «расширение человека». Так, печать, с ее появлением и распространением, способствует рождению индивидуализма и национализма. Электрические средства коммуникации создают возможность специфической взаимосвязи всех институтов общества.

При этом новое содержание жизни людей утверждается не на уровне представлений, понятий, а на уровне неосознаваемого способа реализации мыслительных и практических действий человека, как их упорядочивание,

организация, кажущиеся естественными. Маклюэн отмечает: «Воздействие технологии... меняет чувственные пропорции, или образцы восприятия, последовательно и без сопротивления» [Там же. С. 22]. Медиа в этой концепции оказываются и производителем реальности человека, и самой этой реальностью, будучи важнейшим средством сообщений о действительности, ее смыслах, усваиваемых в коммуникации между людьми, институтами, сообществами. Назначение медиа – сообщить некое представление о действительности так, чтобы побудить к определенному способу ее освоения, действия, переустройства.

Постановка проблемы и цели исследования

Как и М. Маклюэн, А.Н. Фортунатов в своей монографии [2] рассматривает медиареальность в русле отношения «человек – техника». При этом, согласно Фортунатову, значительное смещение онтологического акцента в медиареальности от антропологического в сторону технологического плана характерно для *современной* формы коммуникации в связи с глобализацией медиа и особой ролью масс-медиа,

претендующих на тотальную манипуляцию сознанием за счет ставки на быстро развивающиеся технологии.

Можно согласиться с тем, что у «новых», цифровых средств массовой коммуникации есть своя специфика. Отчасти можно также согласиться с тем, что важной особенностью масс-медиа в формировании медиареальности является прежде всего «забота» о прочности взаимосвязи чувств, сознания с медиамиром, а не о содержательной цели этой взаимосвязи. Действительно, важнейшее свойство медиареальности, продуцируемой современными масс-медиа, — стремление к включенности человека во всей полноте его жизни в сам процесс коммуникации. Однако особенность медиареальности не должна сводиться к технологиям манипуляции сознанием. Ей не чужд элемент стихии, как и расширение, усложнение содержательной составляющей сообщения, связанной с тем или иным пониманием предметного мира или мира вещей, что особенно акцентируется «новым искусством». Цель данного исследования — уточнение специфики медиареальности с привлечением разных подходов к пониманию феномена вещей в современной среде медиа (в философии медиа, исследованиях конвергентных технологий, эстетике, философии науки).

Методология

В процессе исследования применялись междисциплинарный, структурно-функциональный анализ и аналогия.

Результаты исследования

Факторы усиления позиции медиареальности за счет изменения бытия современного человека. Со стремлением медиа втянуть в свой мир человека во всей его полноте жизни сочетается такая важная черта медиареальности, как существенная *трансформация характера и способов самого опосредования* между людьми, между человеком и окружающей средой.

В.В. Савчук в этой связи отмечает: медиареальность — это «реальность всех, а не для всех» [3]. В силу стихийных совместных взаимодействий людей посредством медиа это функция сообщества, проявляющая себя как «архитектура без архитектора». Каждый, не осознавая, способствовал расширению и укреплению медиареальности, используя современные средства информации.

Медиареальность усиливает свои позиции также за счет невиданных ранее качественных изменений характера сообществ в связи с проецированием на социальные организации соединяемых в одно целое особенностей информационных сетей с биологическими, нано- и когнитивными технологиями. Тем самым складывается тенденция создания организаций по типу адаптивной биоструктуры, а также сети, что в научных исследованиях обозначается такими терминами, как «живая организация» [4], «фрактальная организация», «квантовая организация» [5].

С.В. Клягин справедливо отмечает тот факт, что медиа благодаря своему трансформационному свойству обнаруживают себя как «особое „место“», как «локус проявления реальности в целом». Такая позиция действительно несет в себе продуктивное направление исследования, позволяющее «разнообразить демаркации и определения объектного состава медиасферы, а также увидеть перспективу построения медиа ориентированных онтологий информационно-коммуникативного социума» [6].

Можно указать как минимум на четыре важных фактора, усиливающих трансформационный характер медиареальности:

1. *Выход на первый план новых (в том числе симулированных) социальных общностей.* Сетевые технологии обеспечивают как возможность огромному количеству людей одновременно присутствовать в виртуальном пространстве, так и разрушение их персонификации в классическом понимании, усложнение индивидуальной, личностной идентификации, гражданской позиции.

2. *Создание специфических виртуальных самостоятельных миров.* За счет новых медиатехнологий приобретает небывалую привлекательность средство-посредник (Интернет, различные сайты on-lain общения, сайты игр с множеством участников и др.), указывая на новый потенциал человеческого существования в виде виртуальной, дополнительной и других видов реальности. Всё это вызывает мощную тенденцию трансформационных процессов, происходящих с человеком, как бы «освобожденным от пут реальности» (П. Слотердаjk).

3. *Существенное и мобильное преобразование самой среды обитания.* Это происходит под воздействием глобальных масс-медиа вместе с

качественным изменением социальной структуры и субъекта *через изменение нормативной адаптации и способов регулирования когнитивных и ценностных установок людей, характера социальных связей.*

4. *Преобразование и предметного (вещного) мира существования человека: появляется «новая предметность» социальной реальности.* Вещи всё больше выступают для человека не через их свойства, а через их функциональность, как знаки социально-культурной реальности.

Остановимся на конкретизации последнего пункта.

Вещное и человеческое: драматизм нерасторжимой связи. Почему так остро звучит сегодня призыв «Назад к вещам!» и в чем новизна его современной версии по сравнению, например, с версией Э. Гуссерля?

Тому способствует несколько причин, среди которых выделим достигающую небывалых размеров «симуляцию вещей» посредством технологий масс-медиа, механизм образования которой с множеством примеров ярко представлен в работе Ж. Бодрийяра «Система вещей» [7]. Существующая в том или ином обществе «система вещей» — это способ неявной организации антропомерного материального мира.

И. Гоффман, проводя некоторую аналогию между самой жизнью и ее воспроизведением в театральной постановке (что, заметим, особенно актуально, когда объектом анализа становится реальность, формируемая масс-медиа, с ее обращением к театральным эффектам), правомерно отмечает ту функцию окружающих людей вещей, которая выполняет *определенную организацию* мысли и чувства. «Вещная обстановка, — пишет он, — ориентирует зрителя и помогает сценическим характерам говорить и действовать в определенном стиле» [8, с. 116]. Говоря шире, функция вещей в отношении удовлетворения потребностей людей, их желаний, улучшения комфортного существования, будучи тесно связанной с социальными смыслами, оказывается важным фактором детерминации направления их мыслей, форм поведения в том плане, в каком явное, но больше неявное их отношение к вещам уже включено в структурность, упорядоченность общества. Вещи, будучи включенными в широкий коммуникативный обмен, оказываются в роли знаков всей

социокультурной реальности. Масс-медиа пытаются предельно машинизировать этот обмен. Используя технологии симуляции реальности, они широко спекулируют на часто неосознаваемой привязанности людей к вещам наряду с их желанием порядка.

«Система вещей», симулируя реальность посредством современных масс-медиа, трансформирует самого человека: он становится функцией «системы вещей». Набирая скорость в обретении совершенной формы-трансформатора или пустой формы, «вещь-знак», «вещь-функция» вовлекает одновременно разных людей в вещный мир этой пустой формой, будучи открытой для разнообразных мифов о реальности. Захват людей миром вещей связан с их безграничной верой в мощь техники, тогда как «вещь-функция», технически значимый предмет, требует от человека «лишь чисто формального соучастия, изображает нам мир, где нет усилий, где энергия абстрактна, где жест-знак обладает абсолютной действительностью» [7, с. 21].

Тем самым уже вещи по отношению к человеку в среде масс-медиа начинают играть своеобразную роль субъекта. А человек становится «вещью-функцией» в своей среде обитания. Именно технический подход к межличностному общению, небывалый темп развития новых массовых коммуникативных технологий играет особую роль в тенденции максимальной включенности в медиареальность каждого индивида.

Бытие в прежнем понимании разрушается для последующей перестройки. При этом перестройка бытия, осуществляемая масс-медиа, оказывается двойственной: она проявляется и в плане опредмечивания субъекта, растворения его в окружающей предметной среде, и в плане распредмечивания того, что само по себе непредметно. В последнем случае проблемно обнажается *суть бытия людей как того, что само по себе непредметно, как того, что их связывает* (через социальную коммуникацию) и *что может быть воспринято в процессе поиска аутентичной индивидуальности, свободной от стереотипов.*

Б. Латур тонко заметил: именно закрепление позиции в точных науках рассматривать вещи в качестве «объективных» повлекло за собой открытие неосвязаемости вещей в гуманитарном знании. В результате явного размежевания мира объективного и мира политического

в Новое время в дальнейшем вещи перестали служить «товарищами», «партнерами», «соучастниками или союзниками в поддержании социальной жизни». Теперь они выступают лишь в трех качествах: 1) как невидимые и надежные инструменты, 2) детерминирующая инфраструктура и 3) проекционный экран [9].

При уточнении Латуром свойств вещей и в первом, и во втором случае (да и в самом названии работы «Об интеробъективности») в них явно прослеживается их коммуникативный характер. Во втором случае, выступая в качестве *инструментов*, вещи транслируют пронизывающую их социальную интенцию. Проявляя себя в качестве *элементов инфраструктуры*, вещи представляют собой тот материальный фундамент, который предполагает обязательную надстройку социального мира знаков и условия репрезентаций. Выступая в роли *проекционных экранов*, вещи призваны отражать социальный статус и быть основой «тонких игр различия».

Несмотря на то что вещи перестали быть «товарищами», «союзниками» в поддержании социальной жизни, в концепции Латюра вещи не лишились связи с человеческой жизнью. Изменился характер этой связи.

Говоря о неразрывной связи людей и вещей, А.А. Грякалов пишет: «Вещное и человеческое так проникают друг в друга, что стремление отыскивать „отдельно существующий“ неизменный вещный или человеческий „монодраматизм“ оказывается иллюзорным. В непрерывной смене привязанностей, изменах и забвениях [вещей. — Л. М.] постоянной оказывается только непрерывная трансформация незабвенного — константа взаимного тяготения и нерасторжимости вещного и человеческого» [10, с. 3]. Другое дело, что эта константа вариативна.

Неразрывная связь людей и вещей усиливается и вариативно усложняется сегодня зарождающейся формой WEB 4.0., продуцирующей Интернет Вещей (Internet of Things). По своему значению Интернет Вещей — это концепция программируемой сети множества разнообразных физических объектов (things), которые оснащены встроенными технологиями и, что особенно важно, посредством этих технологий способны взаимодействовать друг с другом, а также с внешней средой. В среде Интернета Вещей артефакты получают способность узнавать,

идентифицировать себя и друг друга, быть сопричастными любым программам виртуального мира. Сами вещи приобретают способность вступать в невербальную коммуникацию как друг с другом, так и с человеком посредством беспроводной передачи данных. Кроме того, вещи благодаря встроенным специальным сенсорам (например, RFID-чипам) приобретают способность удаленно не только чувствовать, но и воздействовать друг на друга.

Как отмечает К. Майнцер, сложность современных инфраструктурных задач в информационном обществе настолько высока, что уже не обойтись без широкого распространения *киберфизических* систем. Существует мощная тенденция срастания информационных сетей с физическими инфраструктурами общества. Киберфизические системы производят сегодня колоссальный объем данных в разных отраслях науки, экономики, общества в целом. Разрастающаяся масса данных включает в себя миллиарды сигналов (Big Data), уже не вполне поддающихся обработке обычными базами данных и известными алгоритмами. Необходимы новые технологии Big Data и вычислительных сетей, которые расширят возможности более быстрой обработки и анализа данных, *профилирования продуктов и людей в экономике и обществе*. Эти новые реалии требуют безотлагательных действий по обеспечению *самоорганизации и автоматизации киберфизических систем* [11].

Всё это говорит о тенденции глубинного онтологического преобразования известной нам реальности, выходящего за рамки ее контроля со стороны сознания обычного человека.

Заметим, проекты Интернета Вещей содержат в себе два возможных плана исследований. Они соответствуют и идеям, утверждающим всё более тесную связь людей и вещей в их равноценности за счет развития «разумных сред», и идеям, делающим акцент на рассмотрении материальных объектов и технологий в качестве акторов когнитивного и, в целом, социального взаимодействия [12].

Наблюдаемая сегодня тенденция поворота от субъект-объектного подхода в представлении реальности к предметному или средовому подходу находит свое выражение в обновленном призыве «Назад к вещам!».

Общий аргумент этого призыва остается тем же, что предлагала как позитивистская,

так и экзистенциально-феноменологическая традиция: указание на необходимость борьбы с метафизическими абстракциями, отдаляющими мышление от конкретной жизненной ситуации, а также на требование разрушения растущей толщи стереотипов в понимании самих вещей.

«Производство присутствия» в современной эстетике, или «новый конструктивизм» – *contra* и *pro*. Как отмечает современный философ, историк культуры, профессор Стэнфордского университета Х.У. Гумбрехт, к XX в. укрепился кризис субъектно-объектного подхода к исследованию смыслового конструирования мира человеком – кризис метафизического мировоззрения, влекущий за собой кризис репрезентации, «утраты мира», порождающий чувство, «что у нас больше нет соприкосновения с вещественным миром» [13, с. 59].

Стоит согласиться с Гумбрехтом, полагающим, что весомый вклад в усугубление этого кризиса внесла герменевтика, которая своей «толковательной практикой», сопровождающейся интеллектуальным релятивизмом, способствовала впечатлению дематериализации мира, лишения его осязаемости вместе с утратой чувства естественной телесности.

Попытки преодоления субъект-объектного кризиса в понимании реальности, предпринимаемые по-разному в искусстве XIX в. реализмом и символизмом, а в философии Ф. Ницше, З. Фрейдом и А. Бергсоном, характеризуются Гумбрехтом как безуспешные. Ошибки этих попыток проявились, во-первых, в феноменологии, утверждавшей зависимость воспринимаемого мира от конструкций (проекций) сознания человека, а во-вторых, в новой интерпретации В. Дильтеем герменевтического поля как «непосредственного переживания» при *разделении* им «наук о природе» и «наук о духе» [Там же. С. 52–53].

На наш взгляд, эти попытки всё же имели двойственный характер: они способствовали не только разъединению материального и духовно-психического миров, но и уточнению их *проблематичной* связи.

В целом, согласно Гумбрехту, следует выделить две основные тенденции в попытке преодоления кризиса субъект-объектной позиции в понимании реальности – это *герменевтика* и

критика пансубъективизма. Первую он характеризует отрицательно, вторую – положительно.

Продуктивность позиции *тотальной герменевтики* в ее применении Дж. Ваттимо, полагающего, что толкование является единственно возможным способом смыслового освоения человеком мира, притом что само толкование несет с собой непременно конфликт интерпретаций, вызывает со стороны Гумбрехта сомнение. Всё дело в том, что эта позиция с необходимостью приводит нас к выводу: мир в конечном счете превращается в пустоту.

Действительно продуктивной Гумбрехт считает позицию *критики пансубъективизма*, которую представляют такие исследователи, как А. Арто, М. Хайдеггер, Ж.-Л. Нанси, У. Эко, Д. Батлер. С этими учеными, и прежде всего с Хайдеггером, он солидарен в том, что неполнота человеческого бытия в культуре связана с недооценкой в ней «присутствия», определяемого *телесно-чувственным* началом как частью мира и «*энергией темпоральности*» (становлением). Все предметы, находящиеся в «присутствии», определяются в качестве «вещественного мира» [Там же. С. 10]. При этом Гумбрехт критически относится к субъективной произвольности «нового конструктивизма», поскольку ставка на неограниченность трансформаций мира посредством новых технологий с необходимостью ведет к дематериализации реальности.

Заметим, что «производство присутствия» Гумбрехт определяет как «всякого рода события и процессы, вызывающие или усиливающие воздействие „присутствующих“ объектов на человеческие тела» [Там же]. Но ведь эффект «присутствия» может производиться посредством технологий современных медиа и в актах симуляции. Учитывая это, Гумбрехт находит средство сопротивления симуляции «присутствия» в виде эстетического переживания, для которого свойственно непредсказуемое чувство интенсивности, сопровождаемое чувством телесной причастности к мировой гармонии. Эстетическое переживание он связывает с «эпифаниями», которые не прагматичны и «которые хотя бы на некоторый момент заставляют нас мечтать, стремиться и даже, быть может, вспоминать телом и сознанием, как хорошо было бы жить заодно с вещественным миром» [Там же. С. 120].

Можно ли принять позицию, согласно которой искусство в его отстраненности от тех-

нологий конструктивизма, от прагматичного взгляда на мир — лучшая панацея от попадания в сети технологий манипуляции представлением о смысле вещей со стороны масс-медиа? Современный российский искусствовед, художник С. Огурцов вполне обоснованно дает отрицательный ответ на этот вопрос.

Как и Гумбрехт, Огурцов в работе «Назад к вещам!» [14] связывает возможность приближения к самой реальности с «присутствием», определяемым через свойства телесности и темпоральности человеческой жизни. Однако в противовес Гумбрехту, делая акцент на социальный контекст эстетиза, следуя идее «эстетики взаимодействия», он подчеркивает обоюдную связь эстетического опыта и полезности, труда. Тем самым, в отличие от Гумбрехта, рассматривая понятие «присутствие» в коммуникативном аспекте, через призму идеи «эстетики взаимодействия», он предлагает иную трактовку роли эстетики, искусства в приближении к реальности в условиях всеохватной власти современных медиа.

Производство смыслов вещей, отмечает С. Огурцов, определяется не столько визуальными качествами, сколько эффектами присутствия. И эти эффекты могут появляться лишь во времени, вписываемом в телесность действующего, работающего человека, притом что длительность работы и ее технологий включена в саму работу. Роль объекта искусства как зримого образа — это лишь роль интерфейса ситуации, которая разворачивается во времени. Сама материальность объекта искусства, тесно связанная с физическим, ручным трудом художника по ее формированию, с необходимостью предполагает введение в производство времени в виде длительности труда, включая технологии.

Нынешние технологии коммуникации, отмечает Огурцов, имеют дело «прежде всего именно с темпоральностями: порвав с презумпцией линейности, разделяя и объединяя, сокращая и удлиняя время» [Там же]. *При этом современное искусство, вплетенное в социально-коммуникативную реальность, отстаёт от властных возможностей масс-медиа.* Отрыв от масс-медиа, противопоставление им лишь усугубят проблему. Преодоление этой отсталости предполагает новое соединение ремесленничества (ручного труда), высоких техно-

логий и когнитивной составляющей искусства. В качестве продуктивного примера приводится практика отдельных художников, которые, в частности, демонстрируют «свободное от иронии использование „традиционных“ медиа» с особой проработкой материальной стороны формы и с акцентом на тот труд, который был вложен автором в произведение. Так, детальная графика С. Лоцманова свидетельствует о длительности труда. Тщательно выписанные им ровные линии с обманным намеком на их машинный характер как бы стирают грань между ручным письмом и компьютерной печатью.

Кроме отставания от возможностей современных масс-медиа в плане учета темпоральности взаимодействия человека с вещами, непосредственной работе над физическим воплощением произведений, близким к самим вещам, мешает «неразвитость когнитивной арт-логистики (разрывы в цепи идея — материал — технология — финансирование — объект)» [Там же]. Речь идет о том, что материальность художественного произведения в новом подходе к ней является исходной базой для анализа идей. В традиционном варианте, напротив, идея была отправным моментом в анализе материальности.

Причиной такого поворота во взгляде «нового искусства» на материальность является изменение самого характера знания в связи с тем, что оно теперь понимается как ориентированное прежде всего на конкретные ситуации. Кроме того, имеется в виду, что новые знания, часто неотделимые от технологий, нельзя просто отделить от вещей как материала, посредством которого выполнены эти знания и на котором они записаны. Всё это с позиции «нового искусства» приводит к пониманию измерения реальности, отличающемуся от знания и языка в традиционной трактовке.

Свой вариант «возвращения к вещам» в изобразительном искусстве предлагают представители так называемого археоавангарда прерафаэлитов (Д.Г. Россетти, Дж.Э. Миллес, Э. Бёрн-Джонс и др.). Археоавангард прерафаэлитов получил свое название в связи с тем, что его представители акцентируют необходимость возврата от того, что было характерно для живописи после Рафаэля, к прошлому, к архе, поскольку в академической живописи они на-

ходят недостаток искренности, простоты из-за чрезмерной массы условностей. Как отмечает Ф.И. Гиренок, «соединение авангарда и архе прерафаэлитов осуществилось через растворение внутреннего тела во внешнем» [15, с. 125].

Анализируя написанную по мотивам знаменитой трагедии Шекспира «Гамлет» картину Дж. Миллеса «Офелия», на которой предполагается запечатление в живописном месте случайной смерти Офелии, глубоко переживавшей смерть отца, Гиренок отмечает, что на картине мы видим вещный мир: свежую зелень травы, листьев, прекрасные розы, лилии, фиалки, платье из парчи. Но при этом отсутствует визуализация безумно горящей Офелии, сама случайность смерти. Картина «Офелия» указывает на следующий факт: «то, что мы видим, не совпадает с тем, что сказано, что визуальное – не иллюстрация к тексту, а калитка, которая ведет к изображению несказуемого...» [Там же. С. 128].

Здесь прослеживается та же мысль, которую высказывал и С. Огурцов в вышеупомянутой работе «Назад к вещам»: с позиции «нового искусства» понимание измерения реальности требует изменения понимания *визуального*, самого *знания*, а также *транслирующего его языка* в традиционной трактовке. Заметим также, что феномен фетишизма, характерный для архаичных обществ и востребованный сегодня некоторыми видами «нового искусства», как и современной средой масс-медиа, – это не просто наивный пережиток прошлого и не просто фиксация недостатка искренности, простоты (из-за чрезмерной массы условностей). Феномен фетишизма – это один из антропомерных, наиболее выразительных способов представления наглядности невидимого [16], в котором предельно сходятся стороны субъектно-объектного отношения.

Подчеркнем: нам представляется интересной и продуктивной позиция тех представителей современной эстетики, которые считают, что современное искусство, безоговорочно вплетенное в социально-коммуникативную реальность, не должно отставать от властных возможностей масс-медиа, приобретаемых благодаря новейшим технологиям. И это необходимо как в целях сопротивления манипуляции сознанием, так и ради прорыва через условности к самой реальности.

Феномен вещей в трактовке современной философии науки (Дж. Ло, С. Фуллер, Б. Латур).

Анализ предметного мира реальности, осуществляемый в русле философии науки и философии сознания, познания, в когнитивистике с использованием призыва «Назад к вещам!», во многом проводится в направлении таких набирающих популярность направлений мысли, как экстернализм, энактивизм, ситуативный, «средовый» подход.

В постструктуралистской версии научной трактовки мира вещей, мира объектов предлагается исходить из положения о существовании не универсальной для них глубинной структуры, а множества различных структур, находящихся в процессе становления, складывающихся в разных социальных контекстах. Соответственно эти разные структуры производят и разные типы объектов, и разные знания о них. Дж. Ло выделяет две широкие стратегии в формировании знаний об объектах, отталкиваясь от анализа телесности, предпринятого М. Фуко.

1) С этой позиции, в классической эпистеме тело представляет собой как бы арену, на которой неявно разворачиваются действия символической власти. И эти действия направлены на жесткое (в том числе с применением пыток) однозначное форматирование тела.

2) В современной эпистеме тело становится самодисциплинированной машиной, способной функционально встроить себя в сеть продуктивных, упорядоченных отношений.

Акторно-сетевой подход к объектам делает акцент на значимости материальных отношений. Это значит, что тела, речь, жесты, материалы – всё уравнивается и понимается как проявление стратегической логики, при которой всё существует *только через отношения, участвуя в их создании* [17]. Глобальная сетевая коммуникация, в которой тела и вещи оказываются равноправными участниками, здесь является определяющим условием идентификации и тех и других.

Анализируя в работе «Философия науки и ее недоразумения (discontents)» подобный подход к миру вещей, миру объектов и, в целом, натуралистический поворот в науке, С. Фуллер замечает: «Натуралистический поворот позволяет вынести на свет разрыв между тем, что есть, и тем, что должно быть» [18, с. 207]. В другой своей работе [19] он развернуто связывает это «что

должно быть» в понимании «натуралистов» с их представлением о будущем человека и человечества в виде пост- и трансгуманизма, ставящего знак равенства между людьми, животными, природными и техническими объектами. На наш взгляд, позиция трансгуманизма, правомерно отмечающая тенденцию развития современной инфраструктуры общества в сторону усиления позиции киберфизических систем и, в целом, усложнения за счет совершенствования конвергентных технологий, всё же уделяет недостаточно внимания страховке от рисков для человека при уравнивании его с другими живыми существами, природными и техническими объектами.

В книге «Философия науки и ее недоразумения (discontents)» Фуллер критически показывает связь эпистемологии натуралистического онтологизма (в лице, например, Р. Курцвейля и Б. Латура) с ориентацией на приоритет *эмпирического* подхода по отношению к *нормативно-эпистемологическому*. Последний, как отмечает Фуллер, с позиции «натуралистов» неоправданно рассматривается как ограниченный, неправомерно абстрактный (пользующийся априорными понятиями), необъективный (защищающий интересы отдельных социальных групп).

Стоит согласиться с Фуллером в том, что все дисциплины являются глубинно нормативными, просто «не все это осознают».

Однако заметим: не стоит сбрасывать со счетов в проектах эпистемологии натуралистического онтологизма, например Б. Латура, продуктивные идеи. Одна из них – выявление неоднозначности «наивной веры в авторитеты» людей, социальных норм при идентификации вещей. Латур, выступая против «наивной веры в авторитеты», отмечает двойственность такой веры. В отношении своих критиков он заявляет: они никак не могут понять, что критический дух умирает от передозировки неверия.

Следует также заметить, что для обретения тотальной власти масс-медиа вырабатывают свой антидот, приветствуя возможные сомнения в отношении критики достоверности формируемой ими картины реальности и доводя эти сомнения до всеохватывающего релятивизма.

Б. Латур справедливо пишет, что в той же мере, в какой миниатюризация компьютеров способствовала их общедоступности, массовое

производство «мини-моделей» критического духа привело к удешевлению сомнения, так что для любого появилась возможность подвергать сомнению, казалось бы, самую устойчивую достоверность и «деконструировать» самые прочные сооружения [20]. «Наивное неверие в авторитеты» оборачивается массовой «теорией заговора» и «критическим варварством». Деконструктивисты бьются с наивностью, непосредственностью, «естественностью», отмечает Латур, но в современных условиях следует больше работать не над разоблачением веры, а над кропотливым производством доверия к «достоверности».

Отметим, что в условиях тенденции масс-медиа к всеохватывающей власти в формировании представлений о реальности производство доверия в отношении достоверности знания о предметном мире требует большого внимания к тонкой грани между представлением реальности за счет сознательно совершенствующихся, ангажированных технологий и стихией ее формирования, складывающейся в результате широких коммуникативных связей. На наш взгляд, обнаружить эту тонкую грань можно, не упуская за формой, способом представления реальности ее содержания. И здесь перспективной оказывается позиция, не сводящая форму символа полностью к форме знака. Следует иметь в виду особую коммуникативную действенность символа. И знак, и символ участвуют в коммуникации людей с привлечением вещного мира. Но символ в своей культурно-художественной визуальности не просто представляет (замещает) предметы и события, но и, как отмечают авторы «Символа и сознания» [21], воспроизводит сознательные усилия, непосредственно пробуждая интуиции культурной формы. Символ ближе к вещам по сравнению со знаком. Это особенно отмечают многие представители «нового искусства». Иная позиция характеризуется призывом к обнаружению предсимволического «присутствия» в самих символических формах, поскольку последние якобы только и занимаются его искажением, нейтрализацией и вытеснением [22, 23].

По нашему мнению, эта позиция неправомерно сводит символ полностью к знаковой системе. В символе уже сам *способ* употребления, в отличие от употребления знака, совпадает с *фактом конкретного* употребления.

Последнее – важное условие избежать влияния технологий, программирующих сознание с использованием универсальности знака, лишь симулирующего свою конкретность через имитацию символа.

В символах культуры, и особенно в символах искусства, на наш взгляд, неистребимо сохраняются фильтры, осуществляющие селекцию сообщений медиа, какими бы изощренными ни были технологии манипуляции ими, призванные служить коммерческим, идеологическим, политическим интересам.

Природу символов культуры следует разъяснять всеми средствами просвещения – в дошкольных и школьных учреждениях, в цифровых сетях массовой коммуникации.

Символизация как условие сочетания самопознания (самоконтроля) и доверия наивно-непосредственному восприятию вещей. Символизация (процессуальное существование культуры посредством символов) осуществляется через систему инвариантных действий в освоении человеком предметной содержательности значения, пропущенной через призму его смысловой ценности для своего внутреннего мира. Благодаря символизации запускается процесс связи интеллектуального знания и эмоционального переживания. В этом плане символизация – особый процесс когнитивно-эмоциональной активности, в которой тесно взаимосвязаны обобщение и воплощение. При этом обобщение в его связи с *воплощением* составляют важнейшее условие для саморегуляции и самопознания, обеспечивая эмоциональному поведению смысл и нормативную схему поведения. Тем самым символизация, активизируя особые персональные ресурсы, эмоциональное отношение к воспринимаемому, включает человека в ситуацию, способствуя ее пере- и проживанию.

Символизация – важное условие коммуникации. Благодаря особой составляющей семиозиса когнитивно-эмоционального процесса – «эмпатическому» знаку – она предполагает возможность детальной проработки соотношения самого переживания к предмету и другим людям с отбором и определенной предметной формы переживания, и способа его обозначения, и его вида.

Как важная составляющая эстетического восприятия мира, символизация специфиче-

чески овеществляет систему идей, отношений, ценностей, практик, причем так, чтобы: 1) снабдить людей адекватной ориентацией в материальном мире, 2) активизировать процесс самопознания, 3) способствовать продуктивной коммуникации членов сообщества, обеспечивая их кодом как наименования, классификации всего воспринимаемого, так и самой возможности социального обмена.

Благодаря когнитивно-эмоциональным механизмам символизации в восприятии мира, осуществляемой через коммуникативные взаимоотношения людей, происходит понимание вещей на бытийном уровне в особой (условной) форме.

Заключение

Характерные черты медиареальности: относительная самодостаточность и самовоспроизводство; конструируемость со стороны социума, не лишенная стихийности; влияние на человека (в виде форматирования его сознания и действия) с обратной его реакцией (в виде их перестройки); изменчивость; мозаичность; ремифологизация, сопровождаемая демифологизацией; размытость границы между субъектом и объектом («вовлеченность субъекта»); остенсивность и зримость слова, что создает почву для связи повседневного и художественно-символического способов восприятия мира, – проявляют себя в мире вещей, побуждая их специфически выражать ту или иную организацию антропомерного материального мира. Вместе с тем перечисленные черты медиареальности обеспечивают базовое условие мобильной перестройки определенной организации антропомерного материального мира и трансформации представлений о мире вещей.

«Вовлеченность» человека в медиареальность должна сопровождаться философско-эстетической разработкой онтологических основ корректирующих ее технологий. Здесь мы исходим из того, что понимание измерения реальности, продуцируемой масс-медиа, должно учитывать прежде всего изменения (*в зависимости от применяемых технологий*) чувственно воспринимаемого, визуального, символического. Необходимо также учитывать, что в этой связи меняется характер знания и транслирующего его языка. И это особенно ярко проявляется в «новом искусстве», которое не чуждо миру повседневности, прагматики, конструктивизма.

Дальнейшее развитие философско-эстетического подхода к пониманию медиареальности при различении символа и знака как такового может стать основой продуктивной модели при исследовательском уточнении феномена «на-

глядности невидимого» также и в науке, рассматриваемой в социокультурном аспекте. Отметим, что особую значимость этот феномен приобретает в процессе популяризации науки в среде масс-медиа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Маклюэн М.** Понимание медиа: внешнее расширение человека. М.; Жуковский: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2003.
2. **Фортунагов А.Н.** Медиареальность: в плену техногуманизма: моногр. Нижегородский гос. ун-т. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2009. 212 с.
3. **Савчук В.В.** Медиареальность – новая среда жизни // Культура и технологии. 2017. Т. 2, вып. 1. С. 1–5. URL: <http://cat.ifmo.ru/ru/2017/v2-i1/93> (дата обращения: 03.02.2019).
4. **Мейер К., Дэвис С.** Живая организация. М.: Добрая книга, 2007. 368 с.
5. **Кочеткова А.И.** Основы управления в условиях хаоса (неопределенности). М.: Рид Групп, 2012. 624 с.
6. **Клягин С.В.** Медиа (есть) медиа: об актуальных трактовках феномена медиа // Коммуникативные стратегии информационного об-ва: тр. X Междунар. науч.-теор. конф. (26–27 октября 2018 г.). СПб.: Политех-Пресс, 2018. С. 93–94.
7. **Бодрийяр Ж.** Система вещей. М., 1995.
8. **Гоффман И.** Закрепление форм деятельности // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 54–117.
9. **Латур Б.** Об интеробъективности // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 199–222.
10. **Грякалов А.А.** «Монодрамы вещей» и субъективность: пределы забвений и незабвенное // *Mixtura verborum* 2012: сила простых вещей-2: филос. ежегодник / под общ. ред. С.А. Лишаева. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной акад., 2013. С. 3–28.
11. **Mainzer K.** Die Berechnung der Welt: Von der Weltformel zu Big Data. München: Verlag C.H. Beck oHG, 2014. 350 s.
12. **Латур Б.** Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 342–364.
13. **Гумбрехт Х.У.** Производство присутствия: чего не может передать значение. М., 2006.
14. **Огурцов С.** Назад к вещам! URL: <http://xz.gif.ru/numbers/79-80/back-to-things/#name4> (дата обращения: 03.08.2018).
15. **Гиренко Ф.И.** Эстетика катастрофы // Философия хозяйства. 2013. № 6. С. 125–129.
16. **Пигалев А.И.** Призрачная реальность культуры. Фетишизм и наглядность невидимого. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2003. 354 с.
17. **Ло Дж.** Объекты и пространства // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 223–243.
18. **Fuller S.** Philosophy of Science and Its Discontents. 2d ed. N. Y.; L.: The Guilford Press, 1993.
19. **Fuller S.** Humanity 2.0: What It Means to Be Human Past, Present and Future. Basingstoke (UK), Palgrave Macmillan, 2011.
20. **Латур Б.** Надежды конструктивизма // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 365–389.
21. **Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.** Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Языки русской культуры, 1999.
22. **Беньямин В.** Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: сб. ст. / пер. с нем. И. Болдырева и др.; сост. и послесл. И. Чубарова, И. Болдырева. М.: Изд-во РГГУ, 2012. 288 с.
23. **Laruelle F.** Le Concept de Non-Photographie. Falmouth, UK. N. Y., 2011.

Мурейко Лариса Валериановна
E-mail: lamureiko@gmail.com

Статья поступила в редакцию 13.02.2019.

REFERENCES

- [1] **Maklyuen M.**, Ponimaniye media: vneshneye rasshireniye cheloveka [Understanding media: external expansion person], Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole Publ., Moscow, Zhukovskiy, 2003.
- [2] **Fortunatov A.N.**, Mediareal'nost': v plenu tekhnogumanizma [Mediareality: prisoner technomania, monogr.], NNGU Publ., N. Novgorod, 2009.
- [3] **Savchuk V.V.**, [Mediareality – new living environment], Kul'tura i tekhnologii, 2 (1) (2017) 1–5. Available at: <http://cat.ifmo.ru/ru/2017/v2-i1/93>.
- [4] **Meyer K., Devis S.**, Zhivaya organizatsiya [Living organization], Dobraya kniga, Moscow, 2007.
- [5] **Kochetkova A.I.**, Osnovy upravleniya v usloviyakh khaosa (neopredelennosti) [Fundamentals of control in chaos (uncertainty)], Rid Grupp, Moscow, 2012.
- [6] **Klyagin S.V.**, [Media there (is) media: about the actual interpretations of the phenomenon of media], in: Kommunikativnyye strategii informatsionnogo obshchestva [Communication strategies of the information society. Proc. of X the Intern. Forum], Politekh-Press, St. Petersburg, 2018, pp. 93–94.
- [7] **Baudrillard J.**, Sistema veshchey [System of things], Moscow, 1995.
- [8] **Goffman I.**, Zakreplenie form deyatel'nosti [Consolidation activities], in: Sotsiologiya veshchey [Sociology of things], Territoriya budushchego, Moscow, 2006, pp. 54–117.
- [9] **Latur B.**, Ob interob"ektivnosti [On interobjectivity], in: Sotsiologiya veshchey [Sociology of things], Territoriya budushchego, Moscow, 2006, pp. 199–222.
- [10] **Gryakalov A.A.**, ["Monodrama of things" and subjectivity: limits of forgetfulness and unforgettable], Mixtura verborum' 2012: sila prostykh veshchey-2, SGA Publ., Samara, 2013, pp. 3–28.
- [11] **Mainzer K.**, Die Berechnung der Welt: Von der Weltformel zu Big Data, Verlag C.H. Beck oHG, München, 2014.
- [12] **Latur B.**, Kogda veshchi dayut otpor: vozmozhnyy vklad «issledovaniy nauki» v obshchestvennyye nauki [When things fight back: the possible contribution of “science research” to social Sciences], in: Sotsiologiya veshchey [Sociology of things], Territoriya budushchego, Moscow, 2006, pp. 342–364.
- [13] **Gumbrecht Kh.U.**, Proizvodstvo prisutstviya: chego ne mozhet peredat' znachenije [Production of presence: what can not pass the value], Moscow, 2006.
- [14] **Ogurtsov S.**, [Back to things!]. Available at: <http://xz.gif.ru/numbers/79-80/back-to-things/#name4>.
- [15] **Girenok F.I.**, [The aesthetics of disaster], Filosophiya khozyaystva, 6 (2013) 125–129.
- [16] **Pigalev A.I.**, Prizrachnaya real'nost' kultury. Fetishizm i naglyadnost' nevidimogo [The illusory reality of culture. Fetishism and visibility of the invisible], VGU Publ., Volgograd, 2003.
- [17] **Lo Dzh.**, Ob"ekty i prostranstva [Objects and spaces], in: Sotsiologiya veshchey [Sociology of things], Territoriya budushchego, Moscow, 2006, pp. 223–243.
- [18] **Fuller S.**, Philosophy of Science and Its Discontents, 2d ed., The Guilford Press, New York, London, 1993.
- [19] **Fuller S.**, Humanity 2.0: What It Means to Be Human Past, Present and Future. Basingstoke (UK), Palgrave Maomillan, 2011.
- [20] **Latur B.**, Nadezhdy konstruktivizma [The promises of constructivism], in: Sotsiologiya veshchey [Sociology of things], Territoriya budushchego, Moscow, 2006, pp. 365–389.
- [21] **Mamardashvili M.K., Pyatigorskiy A.M.**, Simvol i soznaniye. Metafizicheskiye rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke [Symbol and consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language], Yazyki russkoy kul'tury, Moscow, 1999.
- [22] **Benyamin V.**, Ucheniye o podobii. Media-esteticheskiye proizvedeniya [The doctrine of similarity. Media aesthetic works], RGGU Publ., Moscow, 2012.
- [23] **Laruelle F.**, Le Concept de Non-Photographie, Falmouth, UK. New York, 2011.

Mureyko Larisa V.

E-mail: lamureiko@gmail.com

Received 13.02.2019.